
Р. Лопес-Вальдес

ИНДИЙЦЫ НА КУБЕ

Отмена рабства в Британской империи привела к спаду в экономике английских колоний на Антильских о-вах. В большинстве английских колоний бывшие рабы покинули плантации и не хотели более работать на своих прежних хозяев. Производство сахара резко сократилось. Два комитета, созданные английским парламентом, пришли к одному и тому же выводу: нехватка рабочих рук была причиной упадка производства сахара на Антильских о-вах.

Было несколько предложений пополнить необходимую рабочую силу путём иммиграции. Поочередно рассматривалась иммиграция португальцев, китайцев, свободных негров из США как возможный путь разрешения кризиса. И, наконец, Индия, находящаяся по другую сторону земного шара, стала представляться плантаторам великолепным рынком рабочей силы. Еще ранее рабочая сила из Индии ввозилась на о-ва Св. Маврикия, а вскоре начался ввоз батраков и в Вест-Индию. В 1838 г. два корабля с 400 эмигрантами на борту отплыли из Бенгалии к берегам Английской Гвианы. Позднее, в 1845 г., первые индийцы прибыли на Тринидад и на Ямайку. С тех пор вплоть до 1916 г. существовал постоянный приток иммигрантов в английские владения на Антильских о-вах. Правда, в отдельные периоды он сокращался, а иногда даже ненадолго прерывался¹. Среди иммигрантов из Индии были представители различных этнических групп, однако преобладали уроженцы северных и центральных областей страны. Это численное превосходство подтверждается тем, что у живущих на о-вах Карибского моря индийцев, сохранивших в качестве разговорного какой-либо из индийских языков, наиболее распространен хиндустан. Этот язык даже воспринят некоторыми представителями других этнических групп индийского происхождения. Иногда отдельные слова на языке хиндустан употребляют совершенно в ином смысле. Употребление их связано главным образом с религиозными церемониями.

На Кубу индийские иммигранты приезжали как правило с других островов Вест-Индии, причем многие уже плохо знали языки далекой родины. В настоящее время те из них, которые родились на Ямайке, не владеют в полной мере английским языком, хотя и говорят на нем лучше, чем на языке своих предков. Но еще хуже до сих пор они говорят по-испански.

В 1902 г. под оскорбительной опекой США на Кубе была провозглашена республика. Немедленно началось проникновение североамериканского капитала в экономику Кубы. В руках капиталистов США ока-

¹ L. Rammachar, *Indians in foreign lands*, «All Union Congress Committee», Allahabad, 1938; «*Emigrant India of Today*», vol. V, Indian emigration, Oxford Univ. Press, London, 1924; C. Kondapi, *Indians overseas 1838—1949*, Indian Council of World Affairs, New Delhi, 1951.

залось производство электроэнергии, железнодорожный транспорт, телефонная связь. Американцами были захвачены огромные территории лучших земель страны, в частности, в провинциях Камагуэй и Орьенте. На этих землях они начали строить современные заводы по переработке сахарного тростника, рассчитанные на очень большую производительность. Их стали называть «колоссами». Для этих заводов необходимо было создать сырьевую базу — развитое плантационное хозяйство в новых районах.

Районы, выбранные для строительства сахарных заводов, имели незначительную плотность населения. Появилась необходимость обеспечить новые плантации рабочей силой. Больших затрат труда требовали рубка и сушка сахарного тростника. Особенно это относилось к завершающей фазе сбора урожая — рубке тростника, известной под названием «сафры», когда требуется огромное число рубщиков — «мачетеро», труд которых не находит применения в остальное время года. Для новоиспеченных плантаторов наиболее приемлемым выходом представлялся ввоз батраков с других Антильских о-вов. Эти дешевые рабочие руки снижали уровень заработной платы кубинских сельскохозяйственных рабочих. Ввоз батраков с Антильских о-вов оживил нравы, присущие рабовладению, запрещенному на Кубе уже четыре десятилетия до этого. Вербовщики отправлялись на Ямайку и Гаити на поиски «черного дерева», а затем неграмотных батраков отдавали во власть владельцев плантаций и сахарных предприятий Кубы. Вербовка батраков приобрела значительные размеры. По официальным данным, за время с 1913 по 1930 г. было ввезено более 300 000 батраков с Гаити и Ямайки. Вне всякого сомнения, реальные цифры выше тех, которые приводятся в официальных источниках. Тысячи иммигрантов въезжали в страну без каких-либо документов при попустительстве властей. По закону от 3 августа 1917 г., действие которого было ограничено двумя годами по окончании первой мировой войны, многие предприятия и отдельные лица получили право ввозить работников «при условии, что будут представлены гарантии в том, что иммигранты не превратятся в обузу для общества, не будут представлять угрозы с точки зрения здравоохранения, равно как в том, что они будут в должные сроки отвезены назад»².

Это постановление по сути дела лишь узаконило реально существовавшее положение вещей.

Как и для остальных батраков с Антильских о-вов, для индийцев основным занятием стало выращивание и рубка сахарного тростника. Несомненно, что благодаря знанию английского языка они попадали в сравнительно выгодное положение на плантациях и сахарных заводах, принадлежавших американцам. По этой причине многие из них со временем занимали административные посты, становились надсмотрщиками.

Потомки индийцев, родившиеся на Кубе, всегда стремились переменить работу, когда этим они могли улучшить свое положение. Многие из них годы спустя стали работать на строительстве военно-морской базы США на захваченной кубинской территории в заливе Гуантанамо. В период этих работ, осуществлявшихся в годы второй мировой войны, они освоили различные строительные профессии. Старики же продолжали работать на производстве сахарного тростника или выращивали на мелких земельных участках маниоку, батат, кукурузу, кофе и др.

² «Gaceta oficial de la Republica», 4 Agosto 1917.

Во время экономического кризиса 1930-х годов большая часть индийцев вернулась на прежние места обитания, главным образом на Ямайку. Те, которые остались на Кубе, обзавелись семьями и не жили больше общинами, а расселились по разным местам, главным образом на южном побережье провинции Орьенте, включая район Гуантанамо³.

Во время комплексного обследования, проводившегося в поселке Эрмита и в других поселках⁴ сахарного завода «Коста-Рика» (прежде называвшегося также «Эрмита») в районе Гуантанамо, мы получили сведения о том, что в этом районе живут индийцы. Эти данные были полной неожиданностью, так как до настоящего времени не было сведений о том, что здесь сохранились следы индийской иммиграции на Кубу начала XX в. Более углубленное обследование подтвердило, что в поселках Эрмита и Эгипто обосновалось несколько давних индийских иммигрантов и их потомков.

Первые иммигранты этого потока прибыли на Кубу около 1904—1905 гг. В силу тех особых обстоятельств, которые сопровождали ввоз батраков на Кубу, ни в литературе, ни в источниках нет точных данных о времени прибытия первых индийцев на Кубу. При отсутствии достоверных данных о количестве иммигрантов и, принимая во внимание, что сообщения информаторов очень запутаны и противоречивы, мы предполагаем, что в общей сложности было завезено приблизительно 2 тыс. батраков-индийцев. В настоящее время на Кубе, по нашим подсчетам, живет около 200 индийцев, включая и их потомков, рожденных на Кубе.

Маловероятно, что иммигранты прибывали непосредственно из Индии, потому что в таком случае они должны были быть отмечены в эмиграционных регистрах, которые с конца прошлого века велись в портах отправления и в которых указывалось, куда они направляются. Большинство иммигрантов прибыли, по-видимому, с Ямайки и из других колоний, таких как Тринидад, где существовало большое по численности индийское население.

Первые индийцы, прибывшие на Кубу в начале XX в., сохраняли многие особенности в культуре, которые четко выделяли их из остального населения и отличали от прочих иммигрантов. Они продолжали носить традиционную одежду своей родины. Пища их также совершенно отличалась от пищи остального населения, равно как и целый ряд обычаев. Несмотря на то, что индийцы жили главным образом в поселке Эгипто, где было много уроженцев Ямайки неиндийцев, они сохранили свою обособленность и заключали браки преимущественно между собой. Это резко выраженное стремление к эндогамии привело к тому, что ямайцы считали их дискриминаторами. В этом есть определенная доля истины. Под влиянием дискриминации, существовавшей в британских колониях, среди иммигрантов из Индии усилилось стремление избегать смешения с местным негритянским населением. Причины этого коренились в самих условиях появления батраков из Индии на Антильских о-вах. Они приехали занять на плантациях места, покинутые бывшими рабами-неграми. Негры не могли отнестись к ним доброжела-

³ A. Niehoff, J. Niehoff, *East Indians in the West Indies*, Milwaukee Public Museum, 1960; А. Д. Дридзе, *Индийцы острова Тринидад*, в сб. «Страны и народы Востока», М., 1961; «Народы Америки», т. II, «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1959; D. Nat, *A history of Indians in British Guiana*, London, 1950.

⁴ На Кубе подобные поселки при сахарных плантациях называют аравакским словом «батей».

тельно, поскольку видели в них соперников, претендующих на те же источники существования. Это отношение распространялось даже на тех индийцев, которые имели более темный цвет кожи.

Батраки-индийцы столкнулись в новых местах жительства с невозможностью подыскать себе жену внутри своей группы. Эта проблема нехватки женщин среди иммигрантов-индийцев отмечалась некоторыми комиссиями, изучавшими условия их жизни и труда на Антильских о-вах. На Кубе, например, жен, принадлежавших к той же этнической группе, имели лишь те индийцы, которые приехали женатыми с Ямайки. Отсутствие женщин вынуждало некоторых отправляться на Ямайку в поисках супруги, но эти поиски не всегда завершались успешно. С течением времени новые поколения, родившиеся на Кубе, для которых эндогамный брак не имел того значения, как для их родителей, перестали соблюдать это правило. Однако, несмотря на метисацию и восприятие кубинской культуры, все же среди некоторых из них сохранились в пережиточной форме первоначальные предрассудки в отношении негров, проявляющиеся в предпочтении заключать браки с лицами с более светлой кожей.

Существуют различные степени слияния иммигрантов со средой, которая их окружает. В Гвиане, где колониальными властями проводилась изощренная политика «разделяй и властвуй», существуют в достаточной степени заметные различия между индийцами и другими этническими группами страны. На Тринидаде, где имеется значительное индийское население, оно более интегрировано, и иммигранты и их потомки имеют достаточно развитое самосознание, как «тринидадцы». На этом острове, как и на Ямайке и даже в еще большей степени, этническая обособленность уступила место постепенному смешению. Индийцы Кубы и их потомки в настоящее время не отделяют себя от остального населения, принимая участие в общественной и политической жизни в той же мере, как и другие граждане, их одежда, пища, обычаи — те же самые, что и у остальных кубинцев.

Одним из немногих элементов культуры индийских иммигрантов начала века, сохранившихся в среде их потомков до сего дня, является соблюдение некоторых религиозных церемоний.

В религии индийцев на Кубе прежде всего бросается в глаза синкретизм их религиозных представлений и обрядности и, в частности, смешение элементов индуизма и христианства.

Различные формы религиозного синкретизма характерны для значительной части населения Латинской Америки вообще. В условиях насильственной христианизации естественным был процесс возникновения синкретических культов. В более позднее время активное воздействие на традиционную религиозную практику иммигрантов подчас оказывало прямое вмешательство колониальных властей. Например, индийским батракам, ввозившимся в британские колонии антильского ареала, власти запрещали совершение обряда трупосожжения.

Сейчас особые культовые церемонии совершаются священнослужителем Хорхе Самкерром, жителем г. Сантьяго де Куба. Отец Хорхе — Самуэль Самкерр приехал с Ямайки вместе с женой на Кубу в первые годы нашего столетия. На Кубе родились их дети и сюда же в поисках работы приехали другие члены семьи, Самуэль исполнял обязанности «сантмасина». Это слово происходит, по-видимому, от «sant» — святой и «masian» — мессия на языке хинди. Все относящееся к ритуалу Самуэль узнал от своего отца, а когда наступило время, передал свои знания своему сыну Хорхе, теперешнему «сантмасину».

По приезде на Кубу Самкерр работал на различных сахарных заводах в районе Гуантанамо и, наконец, обосновался в поселке Эрмита. Затем он приобрел небольшой участок поблизости от этого поселка на склонах Сьерра де Канаста и выращивал там маниоку, кукурузу, багат. В этом поселке выросли его дети. Они также стали работать на сахарном заводе, в частности становились погонщиками тяглового скота — мулов, работа, в которой они были очень искусны.

На заводе в Эрмита мужчины работали на рубке сахарного тростника, немногие жившие здесь индийские женщины занимались сбором отходов сахарного тростника для кормления скота. Впоследствии многие индийцы умерли от разразившихся в районе эпидемий дизентерии и гриппа и были погребены на местном кладбище.

Религиозные церемонии были поводом для собрания всех индийцев, которые приходили с сахарных заводов и из соседних селений. Авторитет Самкерра признавали не только индийцы. При случае жители Эрмиты отправлялись к нему с просьбой помочь избавиться от болезни или еще какой-нибудь напасти, которой они приписывали сверхъестественное происхождение. Необходимо отметить, что в этом районе активно действовала секта спиритов особого толка (*espiritismo de cordón*), что означает «спиритизм шнура»; и до Самкерра подобными делами обычно занимались те, кто обладал способностью «общаться с духами».

После смерти Самуэля Самкерра традицию собирать индийцев на религиозные церемонии продолжил его сын Хорхе. При крайней распыленности расселения индийцев по различным местам побережья на юге провинции Орьенте сбор на эти церемонии способствует обновлению связей среди индийцев. С другой стороны, существует определенная связь между семьей Самкерр и поселком Эрмита, местом, где похоронены многие из ее членов. Когда недавно умерла в Сантьяго де Куба одна из дочерей Хорхе, она была погребена на кладбище Эрмиты, несмотря на большое расстояние и потому большую стоимость похорон.

Степень интеграции родившихся на Кубе потомков индийских иммигрантов позволяет утверждать, что соблюдение религиозных обрядов и церемоний — это едва ли не последний и уже исчезающий пережиток культуры их предков.

Религиозные представления индийцев, участвующих в этих церемониях, в достаточной мере туманны. По мнению самого священнослужителя, этот культ называется «сант». Легко подметить сходство этого слова со словом «sant» на языке хинди, которое означает «святой». Очевидно также влияние христианства, особенно в тех пояснениях, которые дает священнослужитель о происхождении культа: он исходит из библейских сюжетов. Но несмотря на это, он делает различие между богом и Иисусом Христом, считая Иисуса Христа человеком, наделенным сверхъестественными возможностями. Помимо этого сходства с христианскими представлениями, в культе почти нет никаких следов влияния христианства. Наоборот, существует резко выраженное стремление возможно более четко соблюдать традиционную обрядность.

В Эрмите существуют две церемонии этого культа. Более обычной является «месса», которая устраивается по поводу смерти какого-либо члена общины, индийца или его близкого родственника. Вторая церемония носит исключительный характер и называется «пуджа» (*puja*). Эта церемония устраивается с целью принести жертву и умиловить богиню Кали Май.

В первой из церемоний, которые мы наблюдали в 1965 г., участвовало около 40 человек — индийцев и членов их семей. Она устраивалась в поселке Эрмита. Эта церемония привлекла интерес всех жителей поселка.

Вторая церемония, «пуджа», происходила под открытым небом, во внутреннем дворе дома, где жила сестра священнослужителя, и носила значительно более семейный характер. На нее собрались только люди, наиболее близкие дому, всего 15—20 человек.

Церемонии, называемые «мессами» (*misa*), не имеют никакого отношения, как это можно было бы предположить, к католическим обрядам. Обычно они посвящаются памяти какого-нибудь умершего.

После чьей-либо смерти индийцы в течение девяти дней, начиная со дня смерти, устраивают молебствия. На девятый день назначается «месса», посвященная умершему. Этот обычай девятидневных молебствий наблюдается и среди населения многих других районов кубинской провинции Орьенте, а также на Ямайке и Гаити. Возможно, что соблюдение этого установления восходит к католическим девятидневным молитвам в честь какого-либо святого.

Всегда, когда кто-нибудь умирает, его хоронят не ранее, чем через 24 часа после смерти, так как только в этом случае окружающие могут быть уверены, что человек действительно умер. С этим связана целая серия рассказов о людях, воскресавших единожды или неоднократно после своей смерти. Хорхе Самкерр рассказывает о своей бабушке, что она трижды воскресала после смерти.

Первое молебствие устраивается в самый день похорон. В этот день вечером родственники и друзья покойного собираются в доме, где он жил, и читают молитвы. Если умерший особенно любил какое-либо блюдо, то родственники его в знак уважения специально готовят именно эту пищу. В ночь на девятые сутки, до того как начинается «месса», любимая еда для покойного приготавливается заранее. Ее относят в уединенное место и оставляют там. После этого приглашают умершего, называя его громко по имени и фамилии, как если бы он был жив. Чтобы вызвать умершего, собираются девять мужчин и выстраиваются цепочкой. Тот, кто идет первым, непрерывно позвякивает двумя длинными брусочками железа, отмечая каждый шаг вплоть до возвращения домой. Последний в цепочке должен вызывать покойного, после того как они отнесут любимую пищу покойного в избранное ими место. Призывать умершего можно в равной степени и на языке хинди, и на английском и на испанском языках — в зависимости от того, на каком языке говорил при жизни покойный и, конечно, в зависимости от того, какой язык знает тот, на кого возложили обязанность призвать умершего. Самкерр утверждает, что тот, кто призывает умершего, иногда чувствует присутствие чего-то сверхъестественного. О себе он рассказывает, что почувствовал нечто подобное лишь однажды. «Это было похоже на то, как если бы какой-нибудь тяжелый, грузный предмет ударил меня по плечу и,— продолжает Самкерр,— почти у двери дома я почувствовал, как меня схватили, но я не потерял мужества и вошел в дом».

Своеобразие «мессы» в том, что в месте, предназначенном для совершения обряда, нужно соорудить бамбуковый навес; совершенно такой же навес сооружается с этой же целью индийцами Тринидада. В последний момент в Эрмите навес был заменен палаткой, чтобы уберечься от дождя. В центре под навесом ставят деревянный ящичек, у которого нет одной из стенок, что позволяет прятать внутрь него различные предметы, которыми пользуются при совершении обряда. На ящичек, как на стол, кладется рукописная книга, где записаны на диалекте «авадхи» — языка хинди — молитвы, которые будут читаться во время обряда. Над этим импровизированным алтарем подвешивается за четыре угла «чарни» — белое покрывало, центральная часть которо-

го украшена аппликацией из разноцветных цветов⁵. По углам и в центре подвешиваются гирлянды цветов, а весь навес пышно украшается разноцветными бумажными гирляндами.

Все, кто трудится над украшением навеса, — это главным образом женщины — работают босиком.

На Тринидаде число приглашенных зависит от степени зажиточности того, в память о ком устраивается церемония, так как после нее полагается угощать присутствующих. Если это был сравнительно богатый человек, то в ней участвуют около 70—80 человек, если же батрак-сезонник — то 20—30 человек. Так же, как и на Кубе, эти религиозные сборища устраиваются по субботам и воскресеньям, когда индийцам и членам их семей легче собраться.

Во время «мессы» участвующие, прежде чем войти в помещение, предназначенное для проведения церемонии должны были омыть ноги, и затем босиком пройти в другое помещение, где им будут вручены шапочки (как у Ганди) или бумажные ленты, которыми они обвязывают голову. Молящиеся усаживаются на полу вокруг алтаря. Мужчины и женщины рассаживаются вместе, не наблюдается никакого разделения по признаку пола. На Тринидаде же при подобных обрядах все мужчины усаживаются отдельно от женщин.

За исключением традиционной шапочки или бумажной повязки, не надевается никакой другой индийской одежды. Тщательно соблюдается правило, чтобы все сидели на полу или на той площадке, где проводится церемония, и были бы разуты.

Перед алтарем в два ряда стоят шесть свечей, вставленные вместо подсвечников в бутылки. Каждая пара свечей посвящается какому-нибудь умершему и, таким образом, эти свечи зажжены в честь трех покойных. После того как он зажег свечи, «сантмасин» садится перед алтарем на землю, открывает священную книгу и кладет на ее первую страницу несколько серебряных монет. С этого момента начинаются песнопения в сопровождении небольшого оркестрика из инструментов индийского происхождения, изготовленных на Кубе. Это «чикара» (*chicara*), особый вид скрипки с 16 струнами, колокольчики «манджийраа» (*manjiḡaa*), ударные инструменты «картаал» (*kartaal*) и два барабана: «долад» (*dolad*), двойной барабан, «кандеби» (*kandebi*) — поменьше и с одной ударной поверхностью. Песни поются сантмасином на «авадхи», используемой как обрядовый язык.

В определенный момент в середине церемонии из кухни сообщают, что готовы особые сладости — «персад» (*persad*). Эти сладости готовятся из кокосового масла, пшеничной муки, дробленой камфары

⁵ «Чарни» на хиндустани значит «кормушка». Это пример того, что в некоторые слова смысл вкладывается совершенно иной.

Рис. 1. В начале обряда зажигаются свечи в память умерших

и сахара. Туда же добавляется с ритуальными очистительными целями особый разбавленный, душистый спирт и даже одеколон. В то время как на Кубе священная пища — «персад» раздается во время церемонии, на Тринидаде — после нее, одновременно с ужином, которым угощают всех присутствующих.

Рис. 2. Сантмасин Хорхе Самкерр читает молитвы

Как только становится известным, что «персад» готов, сантмасин в сопровождении свиты из пяти человек, состоящей из музыкантов, с музыкой и пением отправляется на кухню. Со всей торжественностью свита поднимает сосуд, содержащий «персад», причем каждый поддер-

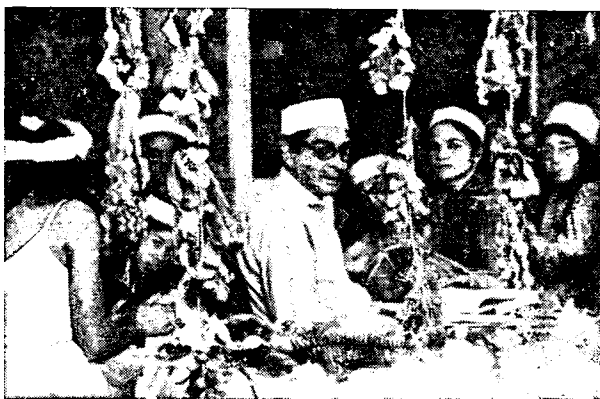

Рис. 3. Во время обряда сантмасин исполняет песни на одном из диалектов хинди

живает сосуд лишь одной рукой, и вручает его помощнику сантмасина, сопровождающему священнослужителя в этой процессии. Помощник сантмасина перед алтарем передает «персад» самому священнослужителю.

Затем сантмасин берет кувшин с подслащенной водой и бросает в него серебряную монетку. Это очень важный момент церемонии, по-

тому что таким образом святится вода, которая затем будет испита всеми участниками.

На кувшин ставится блюдечко со смолой, употребляемой вместо ладана, смола поджигается. Пламя кропят одеколоном и душистым спиртом и крошат над ним «персад». Музыкальные инструменты и молитвенная книга — все окуривается этим дымом и таким образом «очищается». Затем всех присутствующих — как верующих, так и зрителей — обносят этой дымящей «жаровней», чтобы и они прошли очищение.

Рис. 4. Приготовление алтаря к церемонии «пуджа»

Ритуальное омовение, как это часто встречается в некоторых спиритуалистических культурах, состоит из потирания рук, а затем делается такой жест, как будто что-то забрасывается назад. После очищения начинается раздача «персада» всем присутствующим. Затем кувшин с подслащенной водой начинает переходить из рук в руки, но уже только среди верующих, каждый из них выпивает глоток воды. Тому, кто выпивает последний глоток, достается монета, брошенная в кувшин. Эту монету следует хранить как талисман.

В конце церемонии под пение и музыку снимается покрывало — «чарни» и осторожно собираются цветочные и бумажные гирлянды, которыми украшено помещение. На следующее утро мы видели, как сантмасин бросил в протекающую неподалеку реку «чарни» с цветами и украшениями.

Интересен также наблюдавшийся нами в Эрмите обряд «пуджа» — обряд призывания богини Кали Маи (матери Кали). Еще до рассвета разжигается очаг, причем с соблюдением особых правил: сначала древесный уголь поливается одеколоном и душистым спиртом. Предварительно замешивается тесто, из которого будут приготовлены большие круглые лепешки, которые потом поджарят на кокосовом масле.

Сантмасин отправляется к месту, выбранному для сооружения алтаря богини Кали. У ствола какого-нибудь дерева он расчищает землю и поливает ее водой, а затем кладет на нее большой широкий лист банана. В одном из углов двора, где под открытым небом будет совершен обряд, стоит козленок. Он может быть совсем маленьким, но обязательно не холощеным. Козленок беспокойными глазами смотрит на приготовления, которые так близко касаются его.

Рядом с банановым листом ставится бутылка рома, кувшин и сосуд с красной краской. Туда же на землю кладется большой нож — мачете, тщательно наточенный накануне ночью. На лезвие мачете красной краской наносится семь меток, рядом с каждой меткой на землю кладется кусочек камфары, а на банановый лист соответственно семь лепешек, которые были приготовлены заранее.

Сантмасин берет жестянку с водой, идет к козленку и обмывает его. Затем берет сосуд с красной краской и мажет ею лоб и колени передних ног животного. Позднее он этой же краской раскрашивает лоб той женщины, для которой совершается в данном случае обряд.

В Индии считают, что если при окроплении водой козленок дрожит, это свидетельство того, что жертва благосклонно принимается божеством. По мнению Самкerra, благосклонное отношение божества, которому принесится жертва, проявляется в умиротворении животного, в том, что оно покорно дает принести себя в жертву. Музыканты встают полукругом вокруг алтаря и начинают играть на своих инструментах. Вокруг них собираются верующие. Сантмасин идет в угол, где стоит красный прямоугольный флажок, приколотый к палке, и несет его к месту, где будет принесена жертва. Здесь помощник сантмасина держит древко неподвижно до того момента, когда обезглавят козленка, тогда флажок бросают на алтарь.

На Тринидаде с окончанием жертвоприношения делаются подарки — «дакшина» (dakshina) бедным и священнослужителям — «пандитам». А после раздачи подарков поднимаются особые флажки джанди (jhandi) — треугольные куски ткани, прибитые к бамбуковым жердям, означающие, что было совершено жертвоприношение, и, кроме того, выражающие почтение к божеству. Цвета этих флажков соответствуют определенным божествам, которым приносятся жертвы. Наиболее распространенными цветами являются красный, белый и желтый. Красный цвет — это цвет Ханумана (помощника героя «Рамаяны» Рамы). Белый цвет — цвет Сат Део — бога истины и Сурья Нараяна — бога солнца. Желтый цвет принадлежит женским божествам. Однако некоторые из индийцев считают желтый цвет цветом Кришны. Редко встречающиеся на Тринидаде черные флажки поднимаются, когда жертва приносится Кали, на Кубе же красный цвет — цвет богини Кали. На о-ве Тринидад древко, к которому прикрепляется флажок, закапывается в ямку, в которую предварительно в качестве жертвоприношения кладется рис, красный красящий порошок — «синдхур» (sindhur), листья хлебного дерева, бетель и наливается немного молока. Древко флажка должно быть закреплено в правильном положении обязательно пятью мужчинами, каждый из которых поддерживает древко только одной рукой. Эти церемониальные флажки не трогают до тех пор, пока они сами не упадут.

Считается, что тот, кто их выдернет раньше времени, будет наказан тяжелой судьбой⁶.

⁶ Уже ранее мы упоминали о том, что когда сосуд с «персадом» передается помощнику сантмасина, то каждый из пяти человек, поднимающих сосуд, поддерживает его только одной рукой. Теперь же мы рассказали о сходном явлении, бытующем на Тринидаде. Число пять, несомненно, имеет, по представлениям индийцев Кубы и Тринидада, магические свойства и приносит счастливую судьбу и благоволение богов. По этой же причине в самой Индии существуют деревенские органы самоуправления, носящие название «панчаят» (panchayat), что означает «совет пяти». Эти советы называются так независимо от числа участников, на деле их составляющих. В этом случае, как и в упоминавшихся ранее, проявляется особое отношение к магической цифре — пять, которая должна обеспечить благоприятное течение дел, порученных совету — «панчаяту».

Установив флажок в честь Кали, сантмасин берет с пола бутылку рома и оделяет ромом музыкантов и присутствующих. Затем женщина, для которой на этот раз устраивался обряд, став на колени перед алтарем, повторяет вслед за сантмасином различные просьбы, обращенные к богине Кали, и просит богиню выполнить их так же, как она исполнила желание самой Кали. Помощник сантмасина подводит козленка к подножью алтаря. Животное сопротивляется, не хочет подходить и дрожит от страха. Люди, пение, черный дым от семи кусков камфары — «огней Кали», зажженных незадолго перед тем, вселяют в него ужас. На лепешки кладут сырой рис и белый сахар и помощник сантмасина безуспешно пытается накормить козленка рисом с сахаром. С каждым мгновением приближается смертельный для животного исход и все присутствующие внимательно следят за обрядом. Козленок дрожит от страха и жалобно блеет. Помощник сантмасина с силой удерживает его за задние ноги. Наступает мгновение, когда сантмасин поднимает нож — мачете и одним ударом огрубает козленку голову, говоря при этом: «Яй Кали» («возьми, Кали»). В то время как тельце козленка еще конвульсивно содрогается на земле, помощник сантмасина берет кувшин, в котором смешаны ром, перец и гвоздика, и вливает его содержимое в рот отрубленной головы животного. Одна из женщин приближается к обезглавленной, истекающей кровью тушке козленка, смачивает свою руку в крови и затем проводит ею по лбу сантмасина, его помощника и той женщины, для которой устраивалась церемония.

В Индии существует разница между приношением в жертву животных — чаще всего козлят — у индуистов и у мусульман. В то время как у мусульман жертвоприношение растянуто, у индуистов — с животным должно быть покончено одним единственным ударом. Хорхе Самкерр также полагает, что если голова животного не упадет от одного удара мачете, то необходимо начинать весь обряд заново, так как он теряет свою ценность.

Красный флажок бросают на алтарь, что знаменует окончание жертвоприношения в честь богини Кали. Потом залитые кровью лепешки раздавливаются на куски и ими оделяют всех присутствующих.

Тушка козленка идет на приготовление особого кубинского блюда «чилиндрон» (chilindron), которым угощают всех присутствующих, в то время как «чилиндрон», приготовленный из головы козленка, едят только пятеро мужчин: сантмасин, его помощник и самые почтенные из участников обряда.

После окончания обряда кости козленка закапываются у ствола дерева — на месте жертвоприношения.

* * *

Кубинская нация формируется из различных этнических групп. В этой работе наше внимание привлекла одна из наименее изученных иммигрантских групп, обосновавшихся на Кубе.

Собранные материалы показывают, что в культуре иммигрантов обнаруживаются определенные элементы, стойко противостоящие воздействию чуждой культуры. Среди иммигрантов из Индостана и их потомков до наших дней сохраняются традиционные представления о сверхъестественных силах и традиционная религиозная практика. Эти черты культуры, несомненно, бытуют лишь потому, что они как бы служат защитой национального своеобразия в условиях этнически чуждой национальной среды. Для всей иммиграции, независимо от численности той или иной иммигрантской группы, существует целый комплекс фак-

торов, обуславливающих темпы их ассимиляции новой национальной средой. Браки с местными жителями и отсутствие у кубинцев расистских предубеждений (исключение составляли лишь господствующие в прошлом классы, воспринявшие их под влиянием американцев) способствовали процессу интеграции.

И хотя число индийских иммигрантов незначительно, все же затронутая в статье тема требует разработки, так как это поможет изучению в целом этнических процессов в современной Кубе. Полное отсутствие в научной литературе каких-либо исследований, посвященных индийской иммиграции на Кубе, лишний раз подтверждает необходимость их проведения.

Кроме того, материал, приводимый в нашей работе, показывает отсутствие оснований на Кубе для так называемых расовых конфликтов, которые периодически назревают в Гвиане и других бывших английских владениях между индийцами и неграми.

За этими конфликтами, равно как и за подобными сходными ситуациями, возникающими в других странах, скрываются происки империалистов, стремящихся использовать расовые различия в собственных интересах, для укрепления своего господства. Поэтому вопреки этническим и расовым различиям должна восторжествовать совместная борьба трудящихся против эксплуататоров.

Сближение народов, живущих в странах Латинской Америки, на основе взаимного уважения к культурному своеобразию и различиям,— вот основа развития национальной культуры каждой страны, представляющей собой результат взаимодействия различных культур, характерных для разных по происхождению этнических групп.

Материалы, приводимые в нашей статье, лишний раз подтверждают также, что революционное правительство Кубы последовательно соблюдает принципы полной свободы и уважения по отношению к различным религиозным культам.

Победа революции, постоянная необходимость защищать от угроз социалистическое отечество, самоотверженный, созидательный труд,— объединяют весь народ Кубы без различия национального происхождения в единой борьбе.

Было бы очень интересно в будущем провести сравнительное изучение процесса приспособляемости индийских иммигрантов в различных странах Карибского бассейна. Подобное исследование помогло бы сделать полезные выводы общего характера, которые способствовали бы полному уничтожению напряженности в межрасовых отношениях, помогло бы в то же время разоблачению неокOLONиалистской политики, которая является истинной причиной этой напряженности.

Мы надеемся, что для подобного исследования наша скромная работа может принести некоторую пользу.

SUMMARY

In the XIX century began the immigration of East Indians to the British colonies of the Caribbean area. It was the result of the abolition of slavery that forced the plantation-owners to replace the lost slaves with indentured laborers—from India and others regions.

From the beginning of this century with the penetration of American financial capital in Cuba the plantation system started developing at an unprecedented scale. The plantations were mainly established in the eastern provinces of Camaguey and Oriente where land was available in plenty. Having founded sugar factories and plantations, the companies were faced with the problem of labour force, as the labour resources of the

area were scarce. So, they imported agricultural workers from the neighboring islands of Haiti, Jamaica and others. It was along with these laborers from outside Cuba that the East Indians came to this country. Although they brought their culture with them, nevertheless, they underwent a process of assimilation with the local population.

An important manifestation of this process was the gradual acceptance by the Indians of the culture of the Cuban people. After some time their original culture survived only in the observance of some religious practices.

In Cuban bibliography there are no references to the Indian immigration to this island. Unexpectedly during the field work conducted by the author in the region of Guantanamo, Oriente province, were found descendants of Indians that had come to Cuba in the first decades of this century. Till this day they celebrate the two ceremonies that we describe in the present article. They show how certain cultural traits of an immigrant group resist assimilation with local culture.
